

АННА ЗАВГОРОДНЯЯ

САМАЯ
МЛАДШАЯ
ИЗ ПРИНЦЕСС

МОСКВА
T8 PUGRAM
2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-13

Завгородняя, А.

3-13 Самая младшая из принцесс / А. Завгородняя. — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 586 с.

ISBN 978-5-521-90927-8

Окончив обучение в пансионе для юных дам, принцесса Элизабет Каррингтон, по завещанию своей матери, вынуждена отправится жить до совершеннолетия в старый замок своего опекуна, лорда Генри Финча, человека загадочного и мрачного. Но оказавшись в Каслроке девушка узнает, что замок хранит в себе много тайн, которые ей не терпится разгадать. В погоне за ними, Элизе предстоит не только раскрыть тайну замка и его хозяина, но также узнать, кто много лет назад уничтожил ее семью, оставив Элизу сиротой.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90927-8

© Анна Завгородняя, текст, 2020
© Анна Завгородняя, обложка, 2020
© Т8 RUGRAM, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ПРОЛОГ

Девочка сидела в широком кресле напротив камина и, прижимая к своей груди старую игрушку — мягкого медвежонка — прислушивалась к голосам, которые доносились из-за закрытых дверей кабинета. Каждый раз, когда кто-то из говоривших повышал тон или просто откровенно срывался на крик, девочка вздрагивала и сжималась в тугой комочек. Она старалась не смотреть на темную резную дверь, что отделяла ее от кабинета и даже хотела закрыть уши, чтобы не слышать криков, но за спиной у окна стоял лакей, а мама всегда говорила ей, что не стоит выказывать страх перед животными и слугами. Иначе тебя никогда не будут слушаться ни те, ни другие.

Пламя в камне разгоралось. Трещали дрова, пожирая мертвое дерево. Девочка чувствовала слабый запах кипариса и пыталась отвлечься, рассматривая оранжевые лепестки пламени. Она и раньше любила наблюдать за огнем. Мама твердила, что именно огонь будет той стихией, что девочке удастся покорить, и она верила маме, ведь мама была такой умной и такой красивой. Она знала обо всем на свете...

Знала. Теперь она ничего не знает и больше никогда не скажет своей девочке, как сильно любит ее.

В двери ударилось что-то тяжелое и девочка дернулась всем телом, еще крепче прижав к себе плюшевую игрушку, когда двери в гостиную распахнулись и на пороге возникла высокая темная фигура, одетая во все черное, не считая белоснежной рубашки на широкой мужской груди и точно таких же, снежного цвета перчаток, на руках.

Мужчина шагнул к девочке. Опустился рядом с ней на колено и все равно продолжал возвышаться, словно темная мрачная скала в бушующем море. Почему именно бушующем? Да потому что весь вид мужчины говорил о том, как он недоволен увиденным, а смотрел он именно на ребенка, что старательно сдерживал слезы при виде хмурого лица. От незнакомца почти ощутимо исходили волны раздражения и злости.

— Сэр Генри! — следом за мужчиной в гостиную из кабинета вышел пожилой поверенный. Девочка знала его, он часто бывал в их доме, и мама всегда приветчала этого гостя с радушием и улыбкой. Сейчас же, обычно всегда улыбчивый, мистер Картер выглядел взволнованным, хотя и старался ничем не выдать своего состояния...как и сама девочка.

— Сэр Генри! — повторил Картер, но мужчина не обратил на его слова внимания и только взяв девочку за подбородок рукой, обтянутой в белую перчатку, подставить белоснежной рубашке, поднял ее лицо, позволив свету, идущему из камина, осветить тонкие детские черты. Но рассматривал он ее недолго. После чего уронил руку, отпустив острый подбородок ребенка.

— Черт побери, — выругался он и резко встал, передернув широкими плечами. Шагнул назад и уперся руками в камин, уронив голову.

— Я же говорил вам, сэр Генри, что девочка очень похожа на свою мать.

— Это тем более ничего не меняет! — сэр Генри распрямился и посмотрел на поверенного.

— Она указала именно вас ее опекуном, — мягко произнес мистер Картер. — И этого уже не отменить, милорд.

Девочка еще глубже вжалась в кресло, мрачно глядя на незнакомца. Он ей не нравился, и она чувствовала, что точно также не нравится ему. Ей показалось, что этот человек даже ненавидит ее. Но за что? Она видела его впервые в жизни. Прежде он никогда не появлялся рядом с ее матерью, в их доме.

— Почему я, чёрт побери? — прорычал сэр Генри. — Почему я, а не ее друзья, или не родня Чарльза? Скажите мне, Картер, что я сделал такого, что Бог наказал меня этой ношей?

— Она сказала мне так: «Если со мной и с Чарльзом что-нибудь случится, Дом, я желаю, чтобы Генри стал опекуном моих детей. Он и никто другой», — Картер вздохнул и развел руками. — Это заверено в документе, и вы не можете, сэр Генри, я повторяю, вы не можете отказать в последней просьбе нашей покойной королеве.

Вид у сэра Генри был ужасен. Ему хотелось рвать и метать. Была бы его воля, он сию минуту отправил бы проклятую бумагу в огонь, но не мог. Не оттого, что рядом находился Доминик Картер, нет. Что-то все же останавливало Генри от опрометчивого поступка. Возможно, зеленые глаза маленькой принцессы, что сжа-

лась в жалкий комок на огромном кресле. Единственная наследница короля, единственная, кто выжил, просто по случайности. Как ему сообщил Картер, девочка приболела и ее оставили дома в тот день, когда все произошло.

— Так вы согласны, сэр Генри? — спросил Картер тихо, когда заметил, что мужчина уже некоторое время просто стоит и смотрит на девочку.

Генри вздохнул и с неохотой кивнул.

— Я был уверен в вашей доброте! — затараторил Доминик и тут же закричал, подзывая гувернантку ребенка, что должна была ждать за дверью в гостиную: — Эмма, собирайтесь, вы поедете в замок к лорду Финчу!

— Нет! — резкий взмах руки и поверенный замолчал, в удивлении уставившись на лорда.

— Как нет, сэр Генри? Вы же только что согласились с бумагами и...

— Нет. Я все подпишу, но девочка ко мне не поедет. Я не потерплю в своем доме ребенка, пусть даже и принцессу. Я отправлю ее в пансион и это будет лучшим выходом из сложившейся ситуации, — он посмотрел на удивленного Картера и добавил. — Обещаю, что это будет самый лучший пансион и леди Элизабет обучат там всем премудростям, какие должна знать каждая дама.

— Но... — попытался было возразить поверенный.

— Я, как ее будущий опекун, имею право распоряжаться образованием принцессы до ее совершеннолетия.

— И ее капиталами! — вставил Картер.

— Деньги девочки интересуют меня меньше всего, — отрезал сэр Генри.

Поверенный сухо улыбнулся, а девочка сидя испуганно переводила взгляд со своего новоиспеченного опекуна на доброго дядюшку Дома. Она не хотела ни в какой пансион. Она хотела, как и прежде, жить в своем родовом замке, спать в своей комнате и гулять по его огромным залам. Элизабет желала остаться здесь! И Элизабет хотела, чтобы вернулись мама и папа, чтобы снова рядом была старшая сестра и брат, тот, который был наследником престола. Но их больше нет! Никого нет! А этому злому человеку она не нужна. Да она никому больше не нужна!

Девочка опустила голову, сдерживая слезы. Она помнила слова матери и чттила ее память, а значит не могла опозорить свой род слезами. Не здесь и не сейчас! Она вдоволь наплачется, когда окажется в своей комнате и, забравшись на кровать, свернется клубком на дорогих одеялах, прижав к себе любимого мишку — подарок родителей на прошлое Рождество, когда еще ничто не предвещало беды.

— Что прикажете делать? — поинтересовался мистер Картер уже несколько сухо. Ему явно не нравилось отношение нового опекуна к его обязанностям.

— Сперва дайте мне эти чертовы бумаги, я их подпишу, — сэр Генри протянул руку, при этом даже не посмотрел на протянутые ему в ответ белый лист и перо. Он схватил его, смяв, а затем шагнул к камину. Доминик Картер испуганно открыл рот, намереваясь остановить лорда Финча до того, как он швырнет документ в огонь, но сэр Генри лишь положил лист на каминную полку и широким росчерком поставил подпись, а затем вернул ее Картеру.

— Это все? — холодно спросил лорд Финч.

— Да, сэр, — кивнул головой Картер и оба одновременно посмотрели на девочку.

— Теперь позвольте откланяться, — почти прошипел сэр Генри, — у меня еще есть неотложные дела во дворце. Завтра я распоряжусь на счет леди Элизабет! — он резко развернулся и шагнул к двери.

Девочка смотрела ему вслед, пока за лордом не закрыл двери лакей. И лишь тогда перевела взгляд огромных испуганных глаз на стоявшего у камина поверенного.

— Я думаю, ваша матушка знала, что делает, — зачем-то произнес Доминик и убрал бумагу в свой портфель, который все время держал подмышкой.

Девочка зачем-то кивнула, хотя думала совсем иначе... Впрочем, кто бы стал спрашивать ее мнение?

Не теперь, не сейчас, когда она так мала и не имеет никаких прав.

— Я сейчас все же позову вашу гувернантку, — Картер потянулся к колокольчику, но девочка прыгнула с кресла и метнулась к нему.

— Что со мной будет? — прошептала она.

Доминик Картер улыбнулся ей отеческой улыбкой.

— Не переживайте, юная леди, — сказал он, — вы слишком важная фигура на этой шахматной доске, чтобы вами кто-то посмел пренебречь. Просто надо немного подождать. И выучиться. Вам пригодится образование. А я не сомневаюсь, что сэр Генри найдет самый лучший пансион. Так что и вы не сомневайтесь, моя принцесса!

Тогда она лишь кивнула. А истинный смысл его слов девочка поняла спустя долгие годы, когда судьба определила ее роль на шахматной доске жизни.

ГЛАВА 1

Моя жизнь сильно изменилась в тот самый день, когда, попрощавшись со всеми слугами и провожавшим меня мистером Картером, бросив последний взгляд на величественный замок, что был мне домом, я села в карету, запряженную четверкой скакунов, и отправилась в путь, сопровождаемая только гувернанткой Эммой, расположившейся рядом со мной, глядя как-то печально и при этом равнодушно. Она понимала, что ее работа закончится в тот самый миг, когда я переступлю порог пансиона. Мой опекун, сэр Генри Финч, ясно дал понять молодой женщине, что в ее услугах более не нуждаются и выдал на прощание отличное рекомендательное письмо, а также выплатил месячное жалование только под одной простой причине — Эмма согласилась сопровождать меня в пансион вместо самого лорда Финча, который, якобы был настолько занят, что не нашел времени на свою подопечную, о чем я не жалела ни тогда, ни после. Я помнила отстраненный взгляд этого господина, который стоял на ступенях и следил за моим отъездом. Помнила и то, как, скользнув по мне взором, он от-

правился в дом, еще раньше, чем кучер вскинул кнут и пустил лошадей в путь. Ну и все равно. Для меня он был никем. Как и я для него.

Мы добирались до пансиона довольно долго. Две ночи на постоянных дворах и три дня в пути, на протяжении которых я просто молчала и, прижимая к груди медвежонка. Смотрела в окно, глядя на унылый пейзаж поздней осени и голых лиственных деревьев, сбросивших свое одеяние и теперь стыдливо прячущихся за пышными вечнозелеными елями, коих было немаловато вдоль дорог. Карету трясло на ухабах, но половину дороги я просто проспала, а вторую половину наблюдала за однообразным пейзажем, пока Эмма пыталась читать какую-то книгу, сидя на противоположном сиденье.

Мы обе молчали. Мне нечего было сказать гувернантке, я не была привязана к ней, поскольку знала ее только несколько дней — молодую женщину привез мистер Картер. Моя прежняя гувернантка, Мэри, женщина, которую я знала все свою пока еще короткую сознательную жизнь, погибла вместе с моими родителями, и я скорбела о ней не меньше, чем по остальным. Но держала все в глубине сердца, не позволяя никому понять, как сильно оно у меня болит.

Но вот пришел конец путешествию. Впереди расступился лес и показались высокие кованые ворота. Их открыл привратник, старый мужчина в поношенной ливрее, делавшей его похожим на лакея, которым он явно не являлся.

Карета подъехала к серому зданию, которое, наверное, выглядело бы лучше, если бы в этот день небо не